

КУЛЬТУРА
ИСКУССТВОМИР
В НЕСКОЛЬКИХ
СТРОКАХПариж, улица
Фобур Сент-Оноре:

В ГОСТЯХ

У ПЬЕРА КАРДЕНА

Когда переступаешь порог здания на улице Фобур Сент-Оноре с вывеской «Пьер Карден», ожидаешь найти здесь привычную для парижских домов моделей атмосферу: приглушенность, утонченность, отстраненность от «мирских забот». Вместо этого оказываешься в оживленной деловой конторе с тесными кабинетами, с нетерпеливым перешоном телефонов. Когда впервые идешь на демонстрацию мод Пьера Кардена, заранее представляешь традиционный чопорный парад «неземных» манекенов. Вместо этого присутствуешь на ярком, остроумно поставленном спектакле, где дефилирующие «артисты» и публика чувствуют себя весело и непринужденно. Когда готовишься к интервью с Пьером Карденом, предполагаешь встретить с иголкой одетого денди, «украшенного» изделиями собственной марки, и со страхом оглядываешь свой туалет, боясь выискательного взгляда. Вместо этого обнаруживаешь перед собой человека, чьи манеры чрезвычайно просты и в чьей строгонной одежде нет решительно никаких «отличительных знаков». Беседуешь с ним и постепенно начинаешь понимать, почему его называют «модельером, перекроившим представления о своей профессии».

— Трижды вы завоевывали «Золотой наперсток» — высшую французскую награду за лучшую коллекцию модельной одежды сезона. Ваше имя повсюду в мире стало синонимом парижской элегантности. С чего все начиналось?

— С детства игры. У родителей школьного друга была крошечная ткацкая фабрика. По воскресеньям мы обожаем туда пробираться и обматываться огромными полотнами тюля, напоминавшими облака. Из облаков я придумывал сказочные костюмы — мои первые модели.

— Витать в облаках долго не пришлось?

— Семья жила бедно. В четырнадцать лет я поступил работать к старому портному. В свободное время рисовал. Получил первую премию на конкурсе рисунка в Лионе. Но особых способностей во мне не было.

— Что же было?

— Огромное желание заниматься интересным делом. Впрочем, возможно, одного желания не хватило бы, не повези мне вдвойне. В знаменитом доме моделей Пакена, куда после войны мне удалось устроиться «мальчиком на подхвате», готовили тогда костюмы для фильма «Красавица и чудовище» по сценарию поэта Жана Кокто. Обнаружилось, что мои размеры те же, что у исполнителя главной роли Жана Маре. Он попросил меня быть его «дублером» на примерках. Это первое везение. Мы подружались. Кокто и Маре проявили интерес к моим собственным «крокам», ввели меня в мир театра. Я стал одевать для сцены многих актеров... В то самое время у Пакена начинала молодая Диор. Это мое везение номер два. Вскоре Диор приобрел собственное ателье. И не успел он его открыть, как я уже поджал у порога и был первым, кого он нанял на работу закройщиком. У Диора я учился классу, стилю, ремеслу. Всему. А едва «оперение окрепло», решил взлететь самостоятельно.

— И быстро набрали высоту. Первая же ваша коллекция получила международный резонанс. Вы имели все шансы комфортно устроиться в уютном мире «от-кутур» (труднопереводимое словосочетание, которому условным эквивалентом может быть «высший индивидуальный пошив»). — Е. К.), одевать кинозвезд, бизнесменов, одним словом, элиту. Однако...

— Однако меня интересовали «проблемы». И в первую очередь наведение мостов между индустрией готового платья и модельной одеждой, существовавшими как две планеты. Парижскому модельеру возбранялось «пачкать руки» о массовый пошив. Я счел этот запрет нелепым и нарушил его: на основе своих индивидуальных образцов стал работать для «обыкновенных» женщин (и мужчин, кстати, тоже).

— И были строго наказаны...

— Меня с шумом исключили из Палаты парижских модельеров. А через десять лет тихо пригласили снова... в качестве президента. К тому времени большинство тех, кто меня наказывал, последовало моему примеру, поняв опрометчивость своего суда: оставаться в вакууме «чистого искусства» стало просто экономически невозможно. И, кстати, убедилось, что делать готовое платье гораздо труднее: надо понравиться не узкому кругу ценителей, а большинству, и при этом не уронить престиж марку.

— Не случится ли в будущем так, что знаменитый парижский высший пошив вообще отомрет, вытеснится массовым, но высокого класса, куда и уйдут работать талантливые модельеры? Ведь кинозвезды сейчас появляются на светских приемах в джинсах.

— Это было бы равнозначно отмене научных исследований по причине отсутствия сиюминутного, конкретного приложения. Высший пошив — это художественная лаборатория. Это

платформа для творческого поиска, полета мечты, для выражения собственного стиля. Как художник обрабатывает свой почерк, модельер обрабатывает свой стиль. Шить джинсы — пусть даже самые изысканные — ему скучно. Мой стиль устремлен в будущее, никогда не отсылает во вчерашний день. Никаких «ретро», «деко» и т. д. Девиз: молодо, красиво, современно. Завоевание космоса, внедрение электроники эхом отзываются в моих коллекциях. Я реагирую на все перемены в мире, меняюсь вместе с миром. В этом, наверное, и «секрет».

— С учетом всех перемен как все-таки будет выглядеть женщина «от Пьера Кардена» нынешним летом?

— Она еще чуть туже затянется широкий пояс (заметьте, это вполне отвечает западному, кризисному духу времени), еще чуть сунут снизу платье и приподнимет его плечи, расширит и без того уже широкие рукава-химно и подрежет и без того невысокий каблук. Впрочем, она вольна сделать и наоборот: возможные варианты. А если и они всем наскучат, в запасе всегда останется традиционный английский костюм. Главное же, чтобы она чувствовала себя свободно: не рабой одежды, а хозяйкой. На этом сосредоточены все мои старания, когда я готовлю новую коллекцию.

— Как рождается коллекция?

— Сначала в голове — как будущий роман у писателя (простите за такое нескромное сравнение). Затем на бумаге: я делаю примерно 50 крок. В них — главные идеи, направления коллекции. Ее ствол, от которого в дальнейшем пойдут ветви, листья.

— Известно, что некоторые модельеры «ветви» поручают своим подмастерьям — безымянным одаренным помощникам, остающимся в тени. А сами «забирают себе все солнце».

— У меня дело поставлено иначе. Я все делаю сам, участвую во всех стадиях процесса: от финансирования до выбора пуговиц. Я не знаменитая марка, а создатель, работающий не покладая рук. Отдых меня утомляет. Работа — мое единственное удовольствие и развлечение. В ней я крайне требователен к себе, потому что не люблю разочаровывать. Но я требователен и к тем, кто работает со мной. Не терплю дилетанства.

— Круг ваших «развлечений» очень разнообразен: помимо одежды, вы создаете модели мебели и ювелирных изделий, интерьеров легковых машин и самолетов. Один из парижских театров — тоже ваше детище. Не слишком ли много для одного человека, даже если он трудится с утра до ночи?

— Не слишком. Потому что то, чем я занят в данный момент, мне всегда интересно... А театр — это уже совсем особый интерес. В ранней юности я мечтал стать актером. Но скоро понял, что если я стану, то посредственным. А как вы успели заметить, посредственность меня не устраивает. Однако любовь к театру оставалась самой сильной моей жаждой. Отчасти я ее утолял, делая театральные костюмы. А сполна утолил, открыв несколько лет назад свой зал. На значение его — служить «взлетной площадкой» тем молодым актерам, драматургам, певцам, которые утверждают высокий вкус, выискательность, индивидуальность. Это, как правило, для меня материально проигрышно, зато выигрышно для настоящего искусства. Ему нелегко сегодня среди самодовольной серости и коммерческой дешевки, которой столько расплодилось в Париже.

— Некоторые газеты называют эту вашу деятельность мекенатской, благотворительной...

— Вздор. Я слишком хорошо знаю по себе, что такое гордость, достоинство артиста, ис-

пытывающего нужду, чтобы брать его на унижительное «сохранение». Я поддерживаю талант там, где он есть. Когда-то такие актеры, как Жан Маре, Жерар Филип, очень помогли мне утвердиться как модельеру. Сейчас я отплачиваю с радостью старый долг.

— На фирме, в театре у вас большой персонал. Придаете ли вы значение тому, как он одет?

— Хороший вкус всегда ощущается мной. Но не культивируется. Меня окружают порой прекрасные люди, которые лишены его. Я их оттого люблю и ценю не меньше. Нет, «гардеробный диктат», практикующийся в других домах моделей, не в моих правилах.

— Считаете ли вы, что мода должна сегодня, как и сто лет назад, диктоваться Парижем?

— Французская мода... Париж — ее очаг, поддерживаемый ценой векового опыта, любви и огромных усилий. К очагу два раза в год, в периоды показа новых коллекций, съезжаются до двух тысяч специалистов со всего света: учиться, советоваться. По-моему, это закономерно и заслуженно. Но стремление диктовать, «экспортировать Париж», мне кажется, претенциозным и даже вредным: зачем всех стричь под одну, парижскую гребенку, когда страны разные, образ жизни и нравы разные?

— Но разве вы сами, продавая сотни лицензий в десятки стран, не становитесь неизбежно экспортером?

— Вы коснулись ключевого вопроса. Я не экспортирую готовый товар, а импортирую, предлагаю свои идеи, на основе которых с моим участием создается продукция, приемлемая и необходимая данной, конкретной стране. Принципиальная разница. Мне нравится бросать зерна, которые затем, питаясь национальной почвой, дают всходы. Нравится ездить, узнавать мир, людей. В таких поездках я себя чувствую не «модельером-диктатором», а посланцем одной из форм французской культуры, открывающей наряду с другими пути для общения, взаимного обмена. Для дружбы.

— Вы несколько раз приезжали в Москву и не могли не обратить внимания на то, как одеты москвичи, и в первую очередь москвички.

— Первый раз я был в 1964 году, последний — совсем недавно. Перемены огромные. Все больше вкуса, разнообразия, современности. Особенно у молодежи. Я не нашел сейчас «режущей глаз» разницы между парижской и московской улицей. В то же время есть свой, славянский отпечаток, силуэт. Особенно зимой: большие шапки, воротники, орнамент. Это очень красиво, и именно это, национальное, по-моему, интересно развивать. Кстати, у вас есть великолепные модельеры, не уступающие талантом парижским. Конечно, нельзя сравнивать наши две страны, потому что вам пришлось преодолеть величайшие трудности, восстанавливать после войны разрушенное хозяйство. Были заботы поважнее, чем элегантность. Но сейчас — я это видел собственными глазами — создан очень высокий уровень жизни. И в этой спокойной, благоустроенной жизни, естественно, одежда играет все большую роль.

— Жаль, что вас сейчас не слышат некоторые французские репортеры. Иные их «правдивые» описания советского быта и в том числе внешнего облика советских людей напоминают фильмы ужасов.

— Есть такие журналисты, которые видят только то, что хотят или что им велели увидеть. У яблоки они замечают не цветы или плоды, а сучки. Им дано право информировать, а они вместо этого деформируют зрение миллионов французов, читающих их ложь и принимающих ее за чистую монету. Это большая беда. И большая опасность для взаимопонимания, для мира... Вы говорите «жаль, что вас не слышат». Но я использую каждую возможность, чтобы в прессе делиться своими впечатлениями о Советском Союзе, высказывать свои мысли о необходимости и пользе добрых контактов с вашей страной.

— Лично у вас такие деловые контакты уже налажены?

— Да, и они позволяют сейчас строить интересные совместные планы. Но... пока не буду их раскрывать.

Елена КАРАСЕВА.
ПАРИЖ.